

КАТЕГОРИЯ ПЕРЕХОДНОСТИ ГЛАГОЛА В ТРАНСФОРМАЦИОННОМ АНАЛИЗЕ АНГЛИЙСКИХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

А.М. Амагов

Белгородский госуниверситет

Категорию переходности глагола можно рассматривать с двух позиций: семантической и синтаксической. Семантически переходность связана с распространением действия на тот или иной объект и, очевидно, допускает определенную градацию. Представляется целесообразным ввести следующие семантические типы переходности в зависимости от степени выраженности:

- 1) направленное действие;
- 2) воздействие;
- 3) каузальность.

Направленность предполагает, что действие лишь распространяется на объект, который сам, при этом, в его реализации не участвует. К переходным глаголам первого типа относятся, например, глаголы перцепции и ряд других.

Воздействие включает в себя уже не только направленность действия, но и подверженность объекта этому действию, хотя еще не подразумевает, что последний претерпел те или иные изменения.

Наконец, каузальность означает определенные изменения в состоянии объекта, вызванные воздействием, оказанным на него со стороны субъекта. Таким образом, являясь, по сути, наиболее выраженным в семантическом отношении типом переходности, каузальность включает в себя все три ступени: направленность, воздействие и терминальное изменение состояния объекта. Сопоставим три семантических типа переходности на примере следующих предложений:

- (1) a. John mentioned Bill.
- b. John pushed Bill.
- c. John killed Bill.

Очевидно, что степень семантической переходности глагола в них неодинакова и зависит, прежде всего, от роли объекта. В частности, (1 а) вообще исключает подверженность объекта *Bill* какому-либо воздействию со стороны субъекта *John*. В (1 б) такая подверженность очевидна, а в (1 с), помимо воздействия, мы имплицируем и его эффект. Импликация может быть представлена в виде предложения в действительном залоге, где объект каузации выступает как субъект каузируемого состояния: *John killed Bill* ⇒ *Bill is dead*.

Теперь рассмотрим переходные глаголы с позиций выполняемой ими синтаксической функции. Наиболее существенным признаком переходного глагола в этом отношении является его способность образовывать страдательные конструкции путем хорошо известной трансформации подъема прямого дополнения в позицию подлежащего и пассивизации самой глагольной формы. Применяя эту трансформацию к предложениям (1 а-с), получаем

- (2) a. Bill was mentioned by John.
 b. Bill was pushed by John.
 c. Bill was killed by John.

Возможность образования пассивных конструкций дает основания причислить глаголы всех упомянутых классов к единой синтаксической категории переходных глаголов (TV). При этом их частные семантические особенности стираются, поскольку они существенны лишь для семантической структуры предложения, но не для синтаксиса. Саму же трансформацию представим в следующем виде:

- (3) NP/1TVP/NP2 \Rightarrow NP2/IVP/(NP1),

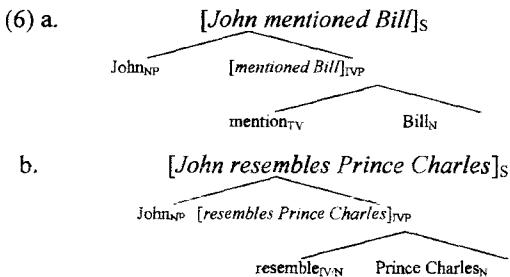
где NP – именные выражения, TVP – переходное глагольное выражение, IVP – непереходное глагольное выражение, результат пассивизации TVP. Двойная черта показывает, что NP1 (факультативно) присоединяется посредством предлога и не является прямым дополнением. Однако здесь возникает ряд вопросов. Прежде всего, следует ли считать английский глагол переходным, основываясь лишь на том факте, что он имеет после себя беспредложное дополнение и каковы критерии того, чтобы дополнение можно было считать прямым? Обратимся к конструкциям, на первый взгляд сходным с приведенными выше:

- (4) a. John has blond hair.
 b. John resembles Prince Charles.

По всей видимости, глаголы типа *have* и *resemble* нельзя отнести к переходным, поскольку лишь синтаксическая категория TVP является базой для создания пассивных предложений, тогда как грамматическая неверность следующих конструкций очевидна:

- (5) a. *Blond hair is had by John.
 b. *Prince Charles is resembled by John.

Отсюда следует, что тектограмматические структуры предложений (1 а-с) и (4 а-б) различны, несмотря на явный параллелизм их фенограмматических форм. Глаголы *have*, *resemble*, а также ряд других (*lack*, *fit*, *suit* и т.п.), по-видимому, следует отнести к синтаксической категории IV/NP, то есть к классу квазипереходных глаголов, требующих наличия беспредложного дополнения, но не способных образовывать пассивные конструкции. При этом есть все основания утверждать, что связка переходного глагола с прямым дополнением функционирует в предложении как непереходный глагол, т.е. сводима к категории IVP (TV + NP \Rightarrow IVP), как это рассматривается, например, в грамматике Р. Монтагю (Montague, 1994; Dowty, 1982). Отсюда все предложения с глагольными предикатами сводимы к базовой структуре NP + IVP \Rightarrow S. Представим предложения типов NP1/TVP/NP2 и NP1/(IV/NP)/NP2 в виде дерева составляющих:

Можно предположить, что отсутствие в предложениях типа (4 a-b) категории TV, которая является ключевой для образования пассивных конструкций, имеет, помимо синтаксического, также и семантическое обоснование. Очевидно, что по семантическим критериям глагол *resemble*, например, не попадает ни под один пункт приведенной выше иерархии семантической переходности. Он не только не обладает значением направленности действия, но и не выражает действия как такового. Здесь мы можем говорить не более чем об определенном отношении между субъектом и объектом (*resemble* – сходство, *have* – possessивность), но не о переходности. Впрочем, следует сделать оговорку: иногда изменение лексического значения глагола влечет смену его синтаксической категории. Так, упомянутый глагол *have* может выступать в значении ‘*fool, cheat by cunning tricks*’, а синонимичный глагол *possess* = ‘*come into and control firmly*’. В этих значениях глаголы *have* и *possess* принадлежат к категории переходных (TV) и могут употребляться в страдательном залоге, более того, такое их употребление в указанных значениях даже более типично. В любом случае, следующие предложения вполне нормальны с точки зрения их синтаксической организации:

- (7) a. I'm afraid you have been had by your partner.
 b. Mary is possessed by phobias.

При этом нужно заметить, что в системе языка не существует однозначного соответствия между изменением лексического значения и сменой синтаксической категории. Так, глагол *see* может, не меняя значения, входить в различные синтаксические категории. Покажем это на следующих примерах:

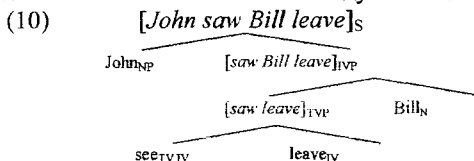
- (8) a. John saw Bill.
 b. John saw Bill leave.

В обоих случаях за глаголом *see* сохраняется категория переходности, так как предложения (8 a, b) трансформируемы в (9 a, b) соответственно:

- (9) a. Bill was seen by John.
 b. Bill was seen to leave by John.

Однако если в предложении (8 a) глагол *see* относится к категории TV, то в (8 b) тот же глагол принадлежит уже к дробной категории TV/IV, то есть не является конституэнт, или ‘денотемой’ (Блох, 2000). Сочетаясь с непереходным глаголом (в данном случае *leave*), он образует разрывной конституэнт

(предикат) *see... leave*. Покажем это на следующей диаграмме:

Разбор ряда предложений с параллельными фенограмматическими формами показывает, что их трансформационный потенциал, а, следовательно, и глубинные (текстограмматические) структуры могут быть различны. Подробнее об этом пишет Dowty (Dowty, 1982). Мы отметим лишь тот факт, что категория переходности у одного и того же глагола может «всплывать» в отдельных структурах и никак не проявляется в других, что связано, как правило, с семантическим классом данного глагола (ср. *John opened the door – The door opened*). Рассмотрим теперь следующие примеры:

- (11) a. *Mary persuaded John to leave.*
 b. *Mary promised John to leave.*

С точки зрения семантики очевидно, что «подразумеваемым субъектом» глагола *leave* в (11 а) является *John*, а в (11 б) – *Mary*. Различие между этими предложениями, однако, глубже, чем только семантическое. Прежде всего, обращает на себя внимание невозможность образования пассивной конструкции от (11 б), где дополнение *John* не способно переходить в позицию подлежащего. Сравним:

- (12) a. *John was persuaded to leave by Mary.*
 b. **John was promised to leave by Mary.*

Глагол *persuade* в (11 а) принадлежит категории TV/IV, и дерево для анализа этого предложения аналогично приведенному на схеме (10). Глагол *promise* в (11 б) следует отнести к категории (IV/IV)/N, то есть он сначала вступает в связь с дополнением *John*, образуя категорию IV/IV, а затем – с инфинитивом, что дает в результате категорию IV. Схема аналогичного предложения приведена у Dowty (Dowty, 1982: 104). Добавим лишь, что в языках с развитой флексией параллелизм внешних форм часто нарушается за счет падежа. Так, переводя предложения (11 а-б) на русский язык, получаем: *Мария убедила Ивана (Acc.) уйти* и *Мария обещала Ивану (Dat.) уйти*.

Отсутствие падежной флексии в английском языке несколько усложняет анализ подобных конструкций, поскольку часто приводит к параллелизму внешних структур предложений, различающихся на глубинном уровне, и устраняет один из основных грамматических признаков прямого дополнения – форму винительного падежа. Однако именно отсутствие падежей создает, в своем роде, уникальную базу для создания пассивных форм у целого ряда глаголов. Вернемся к уже рассмотренному глаголу *promise*. Все сказанное выше вовсе не означает, что этот глагол исключает категорию TV, и это видно из следующей пары примеров:

- (13) a. *Mary promised John the next dance.*

b. Mary promised the next dance to John.

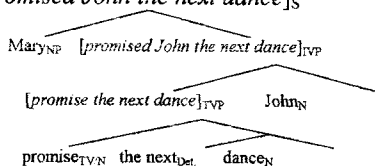
Очевидно, что в обоих синонимичных предложениях глагол *promise* является переходным. Семантически два данных предложения различаются незначительно, однако необходимо признать, что их различие может быть весьма существенным в связи с актуальным членением: в (13 а) рсмой, скорее всего, будет *the next dance*, а в (13 b) – *John*. Здесь возникает вопрос о том, насколько актуальное членение соприкасается с формально-синтаксическим, и, прежде всего, какое из двух дополнений (*John* или *the next dance*) следует считать прямым. По аналогии с русским языком можно предположить, что прямым дополнением в обоих приведенных случаях следует считать *the next dance*, поскольку именно это NP функционально соответствует форме винительного падежа, тогда как *John* соответствует форме дательного падежа (Dative по Ч. Филлмору). Однако такой вывод представляется несколько поверхностным, поскольку в нем не учтена специфика синтаксической организации английского предложения. С позиций трансформационных грамматик все выглядит несколько иначе: прямым дополнением следует считать NP, способное в результате пассивизации занимать положение подлежащего (Object-to-Subject Raising). Трансформируя предложения (13 a-b) в пассивные конструкции, получаем:

(14) a. John was promised the next dance by Mary.

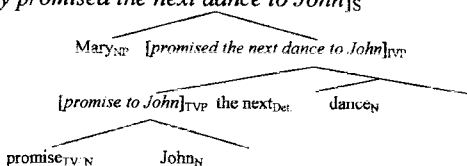
b. The next dance was promised to John by Mary.

Отсюда следует, что в (13 а) прямым дополнением является *John*, а в (13 b) – *the next dance*. Соответственно, в первом случае категория TVP включает выражение *promise the next dance*, а во втором – *promise to John*. Покажем это на дереве составляющих:

(15) a. [*Mary promised John the next dance*]_S

b. [*Mary promised the next dance to John*]_S

По схемам видно, что глагол *promise* попадает в различные категории: TV/N и TV//N (в последнем случае двойная черта означает наличие предлога). Таким образом, английский глагол *promise*, обладая двойной переходностью, может без изменения основного лексического значения входить в различные синтаксические парадигмы, что характерно для целого ряда англий-

ских трехвалентных глаголов. Рассмотрим следующие пары предложений с параллельным значением:

- (15) a. John gave Mary an apple.
 a'. John gave an apple to Mary.
 b. Tom offered Mary a cigarette.
 b'. Tom offered a cigarette to Mary.
 c. Susan told Sam a tale.
 c'. Susan told a tale to Sam.

По всей видимости, предложения (15 a, b, c) и им подобные составляют общую синтаксическую парадигму с ядерным глаголом категории TV/N. Предикаты таких конструкций формируются по схеме TV/N + N \Rightarrow TV. Предложения же (15 a', b', c') входят в другую парадигму (ядерный глагол категории TV//N, схема образования предиката – TV//N + to/N \Rightarrow TV).

Сопоставляя синтаксис и семантику, можно предположить, что количество глаголов с двойной переходностью сравнительно невелико и ограничивается общим функционально-семантическим типом. Скорее всего, в этот класс входят трехвалентные глаголы, актантами которых являются NP со значением актива (кто совершает действие), пациентива (над чем совершают действие) и датива (ради кого совершают действие). В большинстве случаев первым и третьим актантом будут личные существительные, а вторым – неодушевленные, хотя возможны и отклонения, например, стилистического характера. При этом в качестве прототипа данной группы можно назвать глагол *give*. Такое предположение, скорее всего, правильно, хотя и чисто интуитивно. Косвенно его правильность можно подтвердить анализом предложения с каким-либо другим трехвалентным глаголом, например, *consider*, который также может принимать два именных дополнения, но они не являются пациентивом и дативом:

- (16) a. Mary considered John a gentleman.
 b. *Mary considered a gentleman to John.

Однако, независимо от правильности нашего предположения, можно сделать вывод о том, что семантико-синтаксические и формально-синтаксические парадигмы зачастую разнятся. В частности, предложения (15 a) и (15 a') следует отнести в общую семантико-синтаксическую парадигму, тогда как их функционально-синтаксические парадигмы, как показано выше, различны. Таким образом, различия сугубо формального, трансформационного характера часто практически не соприкасаются с семантикой предложения, за исключением того аспекта, который принято называть актуальным членением.

Библиография

1. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // ВЯ. - № 4. - 2000.
2. Филлмор Ч. Дело о падеже // Зарубежная лингвистика. - Ч. III. - М.: Прогресс, 1999
3. Bach E. Some Generalizations of Categorical Grammars // Varieties of Formal Semantics. - Dordrecht: Forris, 1984. Dowty D. Grammatical Relations and Montague Grammar // The Nature of Syntactic Representation. - Dordrecht: D. Reidel, 1982.
4. Кас М. В. What Is Categorical Grammar Really Good for? // Principles and Prediction: The Analysis of Natural

Language Papers in Honor of Gerald Sanders. – Amsterdam, 1993.

5. Montague R. The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English // Formal Philosophy. – New Haven: Yale University Press, 1994.

ОБ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ В ЗНАЧЕНИИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

(на примере наименования *chiasse*, соотносимого с понятийным полем «страх» во французском языке)

С.М.Андреева

Белгородский госуниверситет

Сознание, являющееся сложной системой, моделирующей мир и преобразующей его в своей деятельности, дублирует исходное содержание, дополняет, обобщает его, вводя новые связи и отношения. (Петренко, 1997). Вместе с тем человеческие эмоции связаны с сознанием и опосредованы познанием. Об аффективном (эмоциональном) аспекте в языке говорил еще Ш.Балли, отмечая необходимость его системного и синхронного изучения. При определении аффективности Ш.Балли исходит из положения о неразрывном единстве языка и психической деятельности человека, проявляющаяся в волеизъявлениях, чувствах, эмоциях. Таким образом, язык является «совокупностью средств выражения, синхронно соотносенных с процессами психической жизни, внешней стороной которых они и являются» (Балли, 1951).

Следует помнить, что в реальной языковой практике не существует чисто интеллектуальных и аффективных способов выражения. У человека не может быть эмоций, не связанных с мышлением, для него характерно эмоциональное мышление, содержанием которого является потребность выразить эмоции, связанные с квалификативной (оценочной) деятельностью человека.

В современной лингвистике особенности отражательной деятельности сознания, выражающиеся в его образности, эмоциональной оценочности и функционально-стилевой маркированности, находят выражение в стилистической окраске, присущей языковым единицам, фиксирующим эти особенности. (Хованская, 1984; Шашкин, 1987).

В статье предлагается иллюстрация вышеуказанных положений на примере номинативной единицы *chiasse*, входящей в лексико-семантическую группу (ЛСГ), соотносимую с понятием «страх» во французском языке и, насчитывающую 85 наименований.

Данная единица впервые зафиксирована во французском языке в 1578 году, и восходит к латинскому этиму *casare*-, передающему особенности физиологического процесса пищеварения – *évacuer des excréments* (Dauzat, 1938). В процессе номинации и на начальном этапе функционирования *chiasse* сохраняет понятийную соотношенность латинского этимона и служит для обозначения особенностей физиологического процесса представителей животного мира – *excrément d'insectes* (Littré, 1958). В последующем, в се-